

# ФИЛОЛОГИЯ

## PHILOLOGY

УДК 8

*И. С. Карабулатова*

### ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Региональная идентичность была определена скорее для этнических русских, а не для национальной и территориальной принадлежности и придает в их собственных глазах и глазах других конкретные социально, психологически и культурно значимые функции. Этническое самосознание, с одной стороны, отражает объективно существующие особенности культуры, с другой – может активно влиять на развитие этнической общности, усиливая интерес к национальной истории и культуре, что способствует образованию специфических национальных интересов.

**Ключевые слова:** межнациональное общение, лингвокультурология, языковая культура.

*I. S. Karabulatova*

### THE LANGUAGE PERSON IN THE SPACE OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Regional identity was determined for the ethnic Russian, rather than national and territorial affiliation, imparts in his own eyes and the eyes of others specific socially, psychologically and culturally significant features. Ethnic self-consciousness, on the one hand, it reflects objectively existing features of culture, on the other, can actively influence the evolution of an ethnic community, reinforcing the interest in national history and culture, contributing to the formation of specific national interests.

**Keywords:** Interethnic communication, Linguaculturology, Language Culture.

В условиях глобализации и становления самостоятельных, независимых государств на постсоветском пространстве становится очевидным, что взгляд на многие процессы и явления как в общественно-политической, так и в культурной, экономической и т. д. сферах и их оценка существенно изменились. В современном обществе учебная профессиональная деятельность, определяемая содержанием политической и экономической доктрин государства, основными направле-

ниями внешней и внутренней политики, господствующим мировоззрением, призвана обеспечивать безопасность государства. Несомненно, что важнейшей проблемой строительства современной системы образования является трансформация сознания, идеологии, культуры, нравственности и морально-психологического состояния молодежи, которая происходит в условиях действия глобализационных тенденций в образовании и культуре, либерализации всего челове-

ского сообщества. Последние разработки исследователей на постсоветском пространстве (А. Рудяков, Е. Журавлева, Н. Жумагулова, И. Карабулатова и др.) заставляют задуматься о том, что в условиях глобализации мы наблюдаем становление нового типа языковой личности, а именно евразийской языковой личности, для которой характерно знание нескольких языков.

Уровни языковой личности, разработанные Ю. Н. Карауловым, отражают процесс усвоения родного языка. Но сегодня мы наблюдаем массовую экспансию иностранных языков на сферу национального родного языка, что отражается на всех языковых уровнях. Ученые с тревогой говорят о преобладании английской интонации в речи теле- и радиоведущих, о включении большого числа не просто экзотизмов, но даже целых иноязычных фрагментов в национальную речь. Это находит отражение и в современном песенном творчестве музыкантов, например, ни у кого не вызывают вопросы такие слова, как «смайл», «forever» и т. п.

В современной отечественной и зарубежной лингводидактике сложилась качественно новая теоретическая парадигма, с позиции которой процесс обучения иностранному языку рассматривается как процесс формирования «вторичной» языковой личности. Концепция формирования «вторичной» языковой личности, овладевающей культурой иноязычного общения (И. И. Халеева, С. С. Кунанбаева, Е. К. Черникина и др.), базируется на идеях антропологической лингвистики (Э. Бенвенист, В. фон Гумбольдт, В. И. Постовалова и др.) и учении о «языковой личности» (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, К. Хажеж и др.), истоки которых восходят к трудам академика В. В. Виноградова.

Как известно, в социолингвистике различают индивидуальное двуязычие – знание и использование двух языков отдельными членами определенного этноса – и массовое двуязычие – знание и использование двух язы-

ков большинством этноса; индивидуальное зарождающееся двуязычие и коллективное существующее двуязычие; региональное двуязычие – знание и использование двух языков жителями определенного района страны – и национальное двуязычие – знание двух языков данным этносом страны; естественное двуязычие – знание и использование двух языков как следствие непосредственного взаимодействия носителей этих языков и искусственное двуязычие – знание и использование двух языков как следствие преднамеренных и специально создаваемых условий изучения второго языка и т. д. Сегодня мы являемся и свидетелями, и самыми непосредственными участниками многовекторной коммуникативной войны, где вопрос статусности языка не является праздным, но отражает витальность той или иной лингвокультуры. В условиях полиязычия, усиления миграционных процессов и прозрачности границ остро встают проблемы государственного, а не стихийного лингвомоделирования языковой личности нового полилингвментального типа. Так, например, для Тюменского региона в настоящее время главными донорами являются Украина и Казахстан, которые совокупно в межпереписной период с 1989 по 2002 год составляют около 60 % всех внешних мигрантов, соответственно это находит свое отражение и в речевом поведении местных жителей.

Международная миграция в Тюменском регионе в межпереписной период сформировала 1/3 новых мигрантов, из которых 98 % были жителями СНГ и Балтии. В этих условиях становление евразийской языковой личности нового полилингвментального типа в условиях национально-англо-русского и русско-национально-английского триязычия и изучения дополнительного языка – это объективный процесс действительности языковой политики в подготовке современного конкурентоспособного и мобильного специалиста в условиях глобализации.

Специфика языковой личности нового типа, о которой мы заявляем, представляет собой умелое сочетание разноструктурных языков. Например: китайского, русского, английского, казахского, арабского и языков народов России (татарского, мордовского, бурятского и других языков России) или другого постсоветского государства (например, Украины, Таджикистана, Литвы). По всей видимости, мы приближаемся к тем требованиям, которые выдвигают полинациональные государства к своим согражданам, как например Канада, Швейцария и др. Но вместе с тем мы неизбежно столкнемся с аналогичными сложностями, что испытали эти страны. Именно многовекторность и полиаспектность коммуникативной войны становятся определяющими условиями возникновения евразийской языковой личности нового типа. Этот аспект очень ярко описан М. Веллером в цикле «Б. Вавилонская»: «Короче, американизм стал нормой жизни <...> В страну хлынули персональные компьютеры. А все обеспечение на английском! Учи. Стал свободным выезд за границу. А на каком языке там изъясняться?! Везде английский. Учи. Валом ввалился дешевый халтурный импорт. А все надписи – на английском! Учи!..» [2, с. 143]. В одной из его повестей безымянный главный герой сначала пишет на русском, где сокрушается по поводу экспансии английского языка: «Англоамериканский язык гораздо агрессивнее русского – в нем в 2,2 раза больше жестких ударений на единицу объема текста: наш журчит, как полноводная река, а ихний стучит, как автоматическая винтовка в мозги. У него многовековой опыт экспансии: Индия, Африка, Австралия, Канада, Новая Зеландия. Это язык опутавших мир глобалистов, так, конечно, он более развит, что в нем в 3 раза больший лексический запас, чем в нашем. У него на всех материках огромный материальный базис и военно-стратегический потенциал, а еще

плюс контроль над мировой нефтью арабов и лицемерные подачи голодающим. И он захватывает позиции» [2, с. 144], – затем в его речи появляются незначительные вкрапления англицизмов, которые потом становятся все обширнее. Далее мы видим уже англоязычный текст с незначительными русскими вкраплениями на кириллице (например, «Не почесались! Nothing, says the president»; «But he dranked водка too much»; «Parliament in White House принял много законов» и т. п.), затем текст только на английском языке. Вслед за этим наступает и трансформация в образной картине мира русского человека. Такую печальную картину краха русской ментальности, русской этничности рисует нам писатель.

Общество в силу своей полиэтничности, складывающейся благодаря мощным процессам глобализации, находится в центре приложения двух противоположных сил: 1) нациостремительных и 2) нациоцентрических. Поиск собственного пути, выработка национальной идеологии приводят к повторению витков эволюции общества, но на новом уровне его развития. В связи с этим сам вопрос о необходимости толерантного коммуникативного поведения в последнее время становится все более актуальным, поскольку «в современном русскоязычном обществе активизированы те формы общения, которые отличаются повышенной напряженностью отношений между партнерами коммуникации» [9, с. 27–28], при этом можно отметить, что агрессивное речевое поведение проникает и в ономастическую сферу, в результате чего возникают названия, не просто обладающие максимально расширенной сетью ассоциаций, но закрепляющие в языковом сознании носителя языка пример языковой игры как норму. Например: «Fish'ка» (рыбный магазин, название из созвучия, где фишка в молодежном жаргоне – нечто необычное, эксклюзивное и fish – рыба), «Beer'лога» (пивной бар). Действительно, с усилением позиций

английского языка в русском ономастическом пространстве проявляется скрытый художественный билингвизм [14], креативный билингвизм [1]. Аналогичные процессы наблюдаются в целом во всех новых государствах, образованных на территории бывшего СССР, что позволило Г. Б. Мадиевой говорить о коммуникативной битве между русским и английским языками [10]. В первую очередь наиболее восприимчивым оказывается, как ни странно, ономастическое пространство, которое традиционно считается наиболее консервативным пластом лексики, но в силу того, что появилось много пограничных ономастических субпространств (прагмонимия, эргонимия, ономастика Интернета и т. п.), это поле стало настоящим индикатором коммуникативной войны.

В целом имя, вернее, то, что стоит за именем, ономастический концепт, выступает как непостижимо сложная система. Связи, возникающие между лексикографическим, этимологическим и ассоциативными и/или психологически реальными значениями онима, выстраивают сбалансированную невидимую сеть национального языка изнутри, которая обеспечивает витальность не только языка, но и этноса. В этой связи ментальное пространство имени собственного представляет особый интерес, поскольку, функционируя в полиэтничной среде, все элементы ономастической системы находятся под влиянием эталонов стереотипов восприятия, присущих человеку как субъекту познания. Например, рыбный магазин «Fish'ка», где мы наблюдаем игру языковых сознаний: в русском языке фишка – «изюминка» (жаргон) и в английском fish – рыба. Таким образом, здесь имеет место сознательное моделирование смеховой реакции, которая может быть сформулирована так: воспринять комическую интенцию/неинтенциональное комическое адресанта или увидеть комическое в некомическом адресанта и остроумно отреагировать [6].

В качестве формы хранения ономастических знаний нами выделяется специальный **ономастический модуль**:

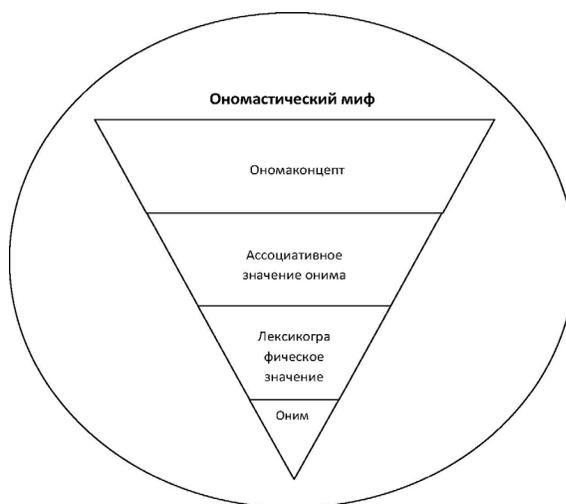


Рисунок 1

Как видно из данного модуля, мифопотенциал имени при грамотно составленном PR практически безграничен. Примером рассматриваемых мегаимен могут быть такие: Александр Македонский, Чингисхан, Ермак, Петр Великий, Рюрик, Иван Грозный, Роксолана и т. д. Мифопотенциал имени-символа может рассматриваться как вся возможная совокупность легенд, преданий, мифов, летописей, документов, воспоминаний об этом человеке, стране, местности (реальной или вымышленной), которая может реализоваться. Все эти факторы, вне всякого сомнения, влияют на формирование современного имиджа любого государства. Однако нельзя не признать, что, прежде всего, имя страны, его наполнение является той нескончаемой Чашей Грааля, откуда сама страна, народы, проживающие в ней, черпают психические силы для своего развития. Создание разных вариантов геополитического мифа страны (позитивного/негативного) невозможно без применения самых различных PR-технологий. Эта проблема становится сегодня наиболее острой

при выборе языков изучения современным человеком, когда идет непрекращающаяся коммуникативная война выбора приоритета языка общения. Наблюдая за геополитонимами как системой, мы можем говорить, что геополитонимия выступает как целостная система, которая одновременно развивается во все возможные стороны. Исходное значение, этимология имени может затеряться в веках, но само имя, его ассоциативное значение продолжает пульсировать, рождая новые и новые ономапространства. В антропонимии последовательность анализа для различных локальных наблюдателей будет также различной, в зависимости от того, что берется в основу. Для этого достаточно вспомнить жаркие споры вокруг имени Россия/Русь: от ярко выраженных славянофильских до наоборот западных этимологий.

Современное ономатворчество как разновидность мифотворчества обретает вторую жизнь, поднимаясь на новый уровень восприятия реципиента. Те изменения, которые происходят сейчас в ономапространстве, можно условно разделить «на два типа: трансформации языковой системы и модификации (а возможно, и деформации) в сфере его использования» [4, с. 4]. Эволюционные витки в ономафере заставляют задуматься о возможностях прогнозирования витальности того или иного онима, попытаться вскрыть механизм когнитивно-семиологического бытия имени собственного. Мы говорим о прогностическом потенциале имени собственного, поскольку существуют определенные законы мозга, благодаря которым определяется витальность имени. Прогностическая ономастика, как новое направление в ономастических исследованиях, опирается на существующие физико-математические закономерности, однако при этом учитывает имеющийся мифопотенциал самого имени. Такой подход позволяет свести воедино и нейролингвистическую, и психоллингвистиче-

скую составляющие с этимологическим, текстологическим, структурно-семантическим и лингвокультурологическим аспектами [7].

Вслед за модой на все иностранное, чем всегда грешила русская знать, пришли иностранные имена взамен традиционных русских и/или иноязычные формы последних: Алина, Алиса, Мэри, Майкл и т. п. Особенно ярко это проявляется в языке чатов, где участники используют в качестве ников англоязычные варианты и английские слова (*stringer*, *Madonna*, *max*, *lady* и т. д.). Кроме того, престижность, статусность того или иного кафе, ресторана, отеля, фирмы подчеркивается английским названием: салон красоты «Black Lady», банк «Alfa-банк», ресторан «Green room», магазин «Universe», квартал «Green House» и т. д. Каждый из нас может достаточно легко продолжить этот перечень. Конечно, в противовес начали активно использоваться сторонниками сохранения этнической идентичности имена с яркой национальной привязкой: магазин «Варвара», ресторан «Телега», имя Добрыня (которое стало все чаще встречаться в современном русском антропонимиконе), банковский союз «Могучая кучка» и т. п.

Означает ли это, что мы приближаемся к благам западной цивилизации, или таким образом нас пытаются ассимилировать? Вопрос достаточно неоднозначный. Конечно, современные предприниматели, отдавая дань моде, вряд ли задумываются о том, какую этнолингвоинформационную опасность несут такого рода названия. Ведь не случайно В. Е. Верещагин и В. Г. Костомаров указывают, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, в большей степени, чем апелляциям» [3, с. 56]. Действительно, имена собственные – флаг, символ народа, его культуры, истории. Современная ономастика уже отходит от толкования имени собственного только исключительно в рамках этимологии.

Как правило, основой может служить образность, метафоро-метонимические процессы, лежащие в основе именования конкретных денотатов, и лексический фон, то есть совокупность информации, относящаяся к названному объекту. Сегодня специалистов начинает интересовать такой вопрос: что именно вкладывает отправитель речи, используя в своем послании имя? Какую функцию выполняет имя? Какие механизмы включаются в интерпретационном процессе имени?

Традиционно исследователи ономастического пространства выделяют среди принципов номинации историчность, то есть реальность того или иного события, человека, в честь которого назван тот или иной объект. В случае с англицизмами в современном русском ономастике мы, как правило, имеем дело с другим феноменом: попытками утвердиться в качестве достойного, высококвалифицированного партнера (в эргонимии, типа: Neo-Clinic), высокообразованного человека и/или диссидента, оппозиционера (в Интернет-коммуникации, например: Small), высококачественного, высокотехнологичного товара (в прагмонимии, например: фотоаппарат Kodak, строительная техника Kennis), комфортного существования (в современной топонимии, микропонимии: квартал «Green House»). Быть успешным, востребованным, динамичным – требование сегодняшнего дня, которое также пропагандируется на уровне имени собственного. Сегодня все эти образы и идеи оказываются особо востребованными в современном мыслительно-бытийном континууме. Таким образом, создается миф, что все иностранное – это очень качественное и хорошее, а отечественное – наоборот, тем самым, формируя и закрепляя у большинства носителей современного русского языка, граждан России, негативную этничность и стремление к быстрой ассимиляции в американском образе жизни.

Итак, не вызывает сомнений, что сегодня современное языковое пространство – поле коммуникативной войны между: а) русским и английским языком (отсюда, на наш взгляд, яркая поляризация в наименовании новых микропообъектов, типа: **Князьё Озеро** и **Green House** и т. п.); б) русским языком и государственным языком той или иной страны-участницы СНГ (**Кабеденов – Кабеденулы** и т. д.); в) государственным языком страны СНГ и английским (**Халык банк – Halyk bank** и т. п.); г) русским языком и языком республик, входящих в состав нового государства (**Башкирия – Башкортостан** и РФ, Украина и Крым, Молдова – Гагаузия и т. п.); д) русским языком и языком национальных меньшинств (**Амангельдыевна – Амангельдиновна** – в формах отчества в одной и той же семье тюменских казахов, или **Кенесар-Кенесары** и т. п.); е) государственным языком страны СНГ и одним из мировых языков (например, китайским, арабским и т. д.).

В этих условиях интерференция неизбежна на всех коммуникативных уровнях:

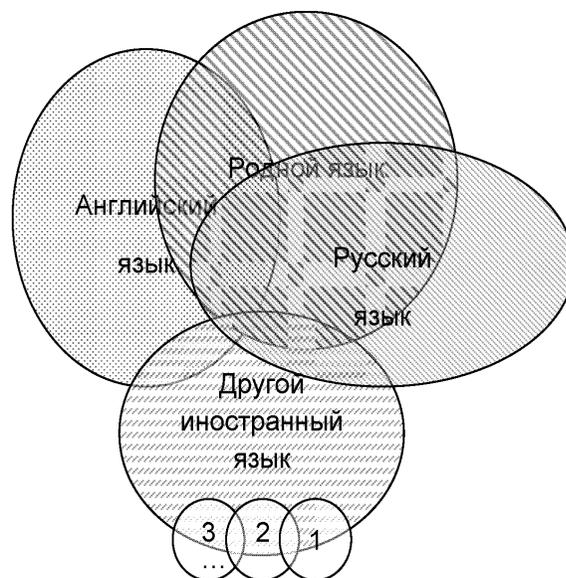


Рисунок 2

Заштрихованные области на пересечении разных языков – это то новое, что начинает составлять языковую личность нового типа. Вместе с тем динамический характер взаимодействия языков в языковом сознании языковой личности нового типа, сама коммуникативная ситуация может привести к тому, что определяющим становится не родной язык, но язык страны пребывания, либо государствообразующий язык. Вместе с тем все несметное богатство того или иного языка встраивается в существующую лингвоментальную картину мира индивида.

Основными критериями развитой евразийской языковой личности нового типа, на наш взгляд, являются: а) обязательное владение (хотя бы в различной степени) тремя/четырьмя лингвокультурными кодами (национальным (страны пребывания), родным, русским и английским); б) умение оперировать концептами иноязычных когнитивных структур в пространстве коммуникативной культуры родного языка. Схематично этот процесс можно изобразить следующим образом.

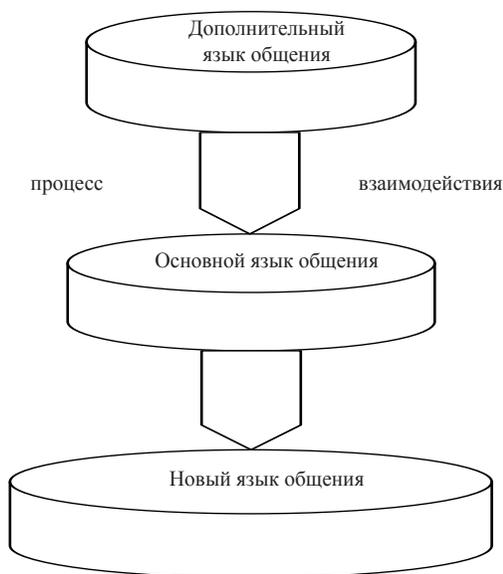


Рисунок 3

Языковая картина мира евразийской языковой личности нового типа – это некое мозаичное полотно, сотканное из данных различных лингвокультур, на основе родного языка.

**Языковая личность нового типа**

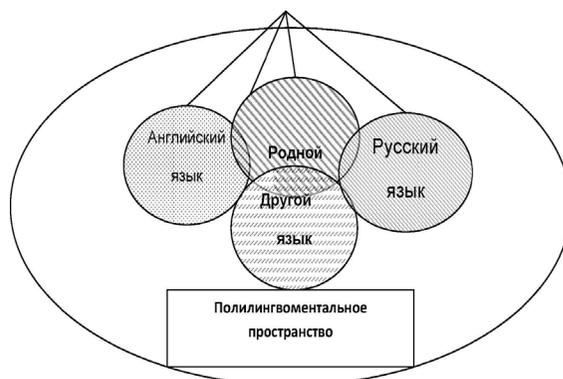


Рисунок 4

Такая сложная коммуникативная ситуация в условиях глобализации требует взвешенного **этнолингвоинформационного подхода**. Здесь видится единственный выход – ориентация на государствообразующий этнос и государствообразующий язык. Наиболее безопасным путем формирования евразийской языковой личности нового типа является преподавание основ родной культуры и языка сквозь призму языка и культуры государствообразующего этноса или языка суперэтноса. В целом для евразийской языковой личности нового типа характерно прохождение в ускоренном темпе тех же стадий, что проходит и этнос, а именно: а) сказочно-мифологическая (знакомство с архетипами, проведение параллелей); б) нравственно-религиозная (этические нормы); в) научно-мировоззренческая (осмысление). В этом случае происходит сглаживание конфликта между представителями различных типов культур: и то, и другое осознается как свое, родное. В этой связи отношение к этничности (или ее признакам) может играть существенную роль в психической адаптации человека к его внутренней и внешней среде.

Надо признать, что формированию новой геополитической картины на территории бывшего социалистического мира предшествовали скрытые и явные тенденции к смене социально-политической парадигмы. Этническая идентичность, как и любая другая форма идентичности, формируется стихийно, в процессе социализации личности, в то же время осознание принадлежности к определенной этнической общности становится одним из первых проявлений социальной природы человека. В условиях глобализации, становления и развития самостоятельных независимых государств на постсоветском пространстве становится очевидным, что взгляд на многие процессы и явления как в общественно-политической, так и в культурной, экономической и т. д. сферах и их оценка существенно изменились. Например, новый слоган, рисующий образ Киева в сознании жителя города и его гостей, достаточно нейтрален: «Киев – город цветов», но он сближает мировосприятие современных киевлян с философией западных хиппи (ср. хиппи – «дети цветов»). Сам бессознательный отсыл к культуре хиппи может негативно сказаться на мировоззрении как украинцев, так и киевлян в частности, поскольку «хиппизм был альтернативным способом получения альтернативного удовольствия. И во главе всего стояла музыка, в первую очередь

англо-американская» [12, с. 775]. Нет нужды повторять, как это сказало на общественно-политической ситуации в Украине. Кроме того, отказ от древнерусских традиций, попытки создания новых версий этногенеза украинского языка (гипотеза Е. Прицака) может негативно сказаться на выстраивании общественно-политических отношений с другими «русскими» государствами: Россией и Белоруссией. Вместе с тем понятно одно, что в условиях становления новых независимых государств нам необходимы мифы как формы массового переживания и толкования действительности. Итак, полотно ономастической вселенной – это сложный многомерный лабиринт, в котором онимы, как струны, бесконечно переплетаются и вибрируют в человеческом сознании, ритмично выстукивая мелодии цивилизации в целом.

Исходя из этого, требование современного времени – это сознательное лингвомоделирование языковой личности нового типа, умело использующей коммуникативные навыки различных языковых систем. Сегодня наряду с сознательным лингвомоделированием процессы усвоения нового языка или языков происходят порой стихийно, поскольку так диктует современная языковая ситуация в динамически колеблющихся параметрах глобализирующегося мира.

#### Литература

1. Бахтикирева У. М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. – М.: Триада, 2005.
2. Веллер М. Рах Americana // Вавилонская Б.: сб. повестей. – СПб.: Пароль, 2004. – С. 135–147.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: РЯ, 1990.
4. Воротников Ю. Л. Слова и время. – М., 2003. – 167 с.
5. Дронова Л. П. Концептуальный анализ в диахронических исследованиях // Моделирование в языке и тексте: сб. науч. тр. / под ред. З. И. Резановой. – Томск: Изд-во ТомГУ, 2003. – С. 8–18.
6. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия в языке СМИ. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
7. Карабулатова И. С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании современных носителей русского языка. – Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.

8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
9. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
10. Мадиева Г. Б. Ономастическое пространство современного Казахстана: структура, семантика, прецедентность, лемматизация. – Алматы, 2005.
11. Мустайоки А. Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михалова. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. – С. 87–108.
12. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. – М.: Астрель: Изд-во АСТ, 2004. – 912 с.
13. Туксайтова Р. О. Речевая толерантность билингвистического текста (на материале русскоязычной казахской художественной прозы и публицистики). – Екатеринбург, 2007.
14. Хасанов Б. Казахско-русское художественное литературное двуязычие. – Алма-Ата, 1990.